

РАЗДЕЛ 2. СЕВРЮКИ

В дореволюционной исторической литературе долгое время было распространено мнение, особенно пропагандируемое польской буржуазной историографией (Яблоновский и др.), о полном запустении степной и предстепной части Украины в результате опустошений кочевников в конце XV—XVI вв. М. Ф. Владимирскому-Буданову принадлежит определенная заслуга в разоблачении этих тенденциозных концепций. Он собрал в трех томах “Архива Юго-Западной России” значительный актовый материал, свидетельствующий о сохранении местного населения, а также об основной роли его в дальнейшем увеличении населенности края. Переселения имели место, но, по мнению Владимирского-Буданова, это не была “польская колонизация”, а движение родственного восточнославянского населения¹⁰⁴.

В украинской буржуазной историографии существовала тенденция к преувеличению степени разорения украинских земель (“пусток”), на которой основывалась теория полных “приливов и отливов” населения. Утверждение о постоянном движении населения будущей Украины на протяжении столетий, привело М. С. Грушевского к выводам, что “колониационные волнения не позволяли отвердеть ни общественным, ни политическим отношениям”¹⁰⁵.

Советский исследователь А. И. Баранович привел конкретный материал, опровергающий мнение о полном запустении украинских земель в XV—XVI вв. и теорию “приливов и отливов населения”. Он пришел к выводу, что “украинские земли” и в частности земли от Сейма и Десны до Полтавы были в XVI в. сравнительно хорошо заселены. В то же время Баранович не отрицает частичной гибели, ухода на север населения в определенные периоды, при опустошительных набегах татар, и большого количества переселенцев из северных земель в украинские во второй половине XVI — начале XVII вв., при усилении феодальной эксплуатации в Речи Посполитой¹⁰⁶.

Сохранившиеся люстрации южнорусских владений Литвы XV-XVI вв., а также некоторые документы Московского государства XVI-XVII вв. говорят о жизни, приспособленной к постоянной угрозе. Жили здесь суровые, воинственные люди, которые именуются севрюками (севруками). Больше всех упоминаний о севрюках в источниках XVI в., но уже в XVII в. упоминания о них очень редки, хотя количество источников этого времени возросло, а к началу XVIII в. они совсем исчезают со страниц источников. Хотя некоторые реки и города по-прежнему именовались в означенных источниках северскими, а область по среднему течению Десны с городом Стародубом дольше всего именовалась Северной, Северской землей¹⁰⁷.

Так кто же такие северюки или кого именуют источники XVI—XVII вв. северюками?

Известный польский историк А. Яблоновский видел в северюках промысловый люд, занимавшийся рыбной ловлей и охотой в отдаленных уездах. Происхождение их он связывал с тюркоязычными племенами, отмечая, что в начале XVI в. население это в общем имело славянский характер¹⁰⁸. А. Соболевский также объяснял происхождение названия “северук” от тюркского sawrug/sawrag¹⁰⁹. Свое мнение о тюркском происхождении северюков Яблоновский основывает на данных люстрации Киевского замка 1552 г. В списке киевских мещан¹¹⁰ встречается много прозвищ, указывающих на этническое происхождение их носителей: Литвин, Москаль и др. Значительное число лиц среди киевских мещан носит фамилию Северук (Северук). У двух из них имена явно тюркского происхождения: Карай, Охмат. Но, во-первых, таких имен всего два. Остальные имена архаичны и связаны с дохристианскими древнеславянскими именами (Томило, Шкода) или обычные христианские имена: Иван, Михаил и пр. Во-вторых, о факте оседания тюркоязычных племен в юго-восточных районах Северной земли в течение XIV—XVI вв., отмечаемом рядом исследователей (Д. И. Багалея, В. В. Мавродин, Г. А. Федоров-Давыдов и др.), писалось выше. Поэтому вполне возможно, что население наиболее южных районов Северной земли, непосредственно соприкасавшееся с населением степей, впитало в себя какие-то группы тюркского происхождения, сохранявшие в XVI в. свои древние имена, но считавшее себя уже северюками и под этими прозвищами записанные в списке киевских мещан, как выходцы из Северной земли.

Наиболее ранние сведения о северюках в известных нам русских источниках относятся к концу XV в. Они сообщают, что по рекам Трубеж, Сула, Псел, Ворскла, Орель жили северюки¹¹¹. В Никоновской летописи упоминается, что в Новгород-Северском княжестве были люди, которых называли северскими казаками или северюками¹¹². Историк XIX века Г. Карпов отождествлял казаков и северюков — “людей, носивших имя казаков, было много на службе Шемячича, и жили они около городов Путивля и Чернигова, на границе степи”¹¹³. По образу жизни северюки в самом деле напоминали казаков, живших в соседних степных областях Украины и Дона. Так же как казаки, они защищали свою землю от татар, занимались рыболовством, бортничеством, охотой в далеких уездах по Донцу, Осолу и в бассейне Дона¹¹⁴, а иногда непрочь были и пограбить. К примеру, в 1549 г. ногайский князь Юсуф сообщал Ивану IV, что находящиеся на Дону северюки нападают на купцов¹¹⁵. Видимо, подобные сведения о северюках приводили к отождествлению их с казаками. Даже советский исследователь А. Г. Слюсарский считает северюков “по положению и роду занятий казаками”¹¹⁶. Однако привлечение более широкого круга источников и всестороннее изучение вопроса свидетельствует о другом.

Мнение о том, что северюки это земледельческо-промысловое население, потомки летописной северы, остатки древних жителей Левобережья Днепра, высказывали некоторые дореволюционные исследователи¹¹⁷. На преем-

ственную связь населения XV—XVI вв. — северюков — с древнейшим населением Северной земли — северянами указывали также советские исследователи В. В. Мавродин, Б. А. Рыбаков, Г. Н. Анпилогов¹¹⁸. Преемственность эта подтверждается и происхождением названия “северюки-северюки” от древнего “северяне” в результате снижения продуктивности суффикса —яни/-ани, вместо которого в XIV—XV вв. на юге восточнославянской территории распространяется суффикс —ук/-юк¹¹⁹. Древние северяне именуются теперь северюками (северюками, северюками); жители Полесья зовутся полищуками, жители Пинщины — пинчуками и пр. В устном народном творчестве также нашло отражение представление о северюках, как о древних, исконных жителях своей земли. Так в одной из исторических песен XVI века северюки называются людьми “стародавними”, “живущими здесь давно”¹²⁰.

В разнородных источниках, относящихся к XV—XVII вв. северюки многолики. Самое сложное, что о них обычно упоминается в связи с другими событиями — отсюда отрывочность, а порой и противоречивость сведений.

Такие исследователи как А. Яблоновский, М. Ф. Владимирский-Буданов, П. В. Голубовский, Д. И. Багалея, В. В. Мавродин локализуют северюков в сравнительно узком районе — по рекам Ворскле, Суле, Удаю. Связано это с характером известных им источников, где упоминаются северюки. Это в основном люстрации замков XVI в.: Канева, Черкас, Киева и другие документы, собранные в многотомном издании “Архива Юго-Западной России”. Люстраторы часто называют всё Левобережье Днепра “Северской стороной”, а уходы по рекам Ворскле, Суле, Удаю — “сиверскими”¹²¹. Историки, пользовавшиеся преимущественно русскими источниками, считали, что северюки жили в Новгороде-Северском, Чернигове, Стародубе, Рыльске, Путивле¹²². Современная исследовательница О. В. Русина считает, что “на основании данных литовского времени разрешить вопрос о локализации этого региона практически невозможно в связи с низкой информативностью письменного материала”¹²³. Впрочем, обратившись к методу экстраполяции и использовав актовый материал XVI-XVII вв. можно в целом очертить регион Северной земли XIV—XVI вв.

В результате войны 1500—1503 гг. Северская земля перешла к Московскому государству. Но полностью ли она вошла в его состав или существовали за пределами Московского государства населенные пункты, которые определялись современниками как северские. Судя по категоричности документальных свидетельств: “князь московский забрал все земли сиверские и всю Сивер”, “все города северские и все Северу”¹²⁴ — это было действительно так. Подтверждается это и категорическим требованием Сигизмунда I, обращенном к Василию III в 1517 г., вернуть “все Северы”¹²⁵. По свидетельствам, которые охватывают время пребывания Северной земли в составе Московского государства (1503—1618 гг.), положение этого региона очерчивается следующими городами и населенными пунктами: Брянск, Гомель, Дроков, Курск, Мглин, Моровск, Новгород-Северский, Почеп, Путивль, Радогощ, Рыльск, Стародуб, Трубчевск, Чернигов. В 1537 г. Москва утратила Гомель, который

отошел к Литве¹²⁶, однако представление о нем как о северском городе сохранялось и в XVII в.¹²⁷ Остальные Северские города и земли оставались в составе Московского государства без изменений в течение всего XVI века¹²⁸.

В русских источниках XVI — первой половины XVII вв. севрюки чаще всего упоминаются в районе г. Путивля. Путивль был одинаково близок и к литовскому рубежу и к “дикому полю”. Такое положение придавало городу особенную важность: недаром он имел единственную на юге России в XVI в. каменную крепость и считался главным городом края¹²⁹. Московское правительство уделяло этому важному стратегическому пункту значительное внимание, поэтому и сохранилось больше всего источников по истории Путивля¹³⁰.

Другим районам Северной земли менее повезло в этом плане, однако отдельные свидетельства об их населении в XVI в. имеются. Так, в списке “обидных дел”, учиненных в перемирие польской стороной по отношению к Московским владениям, говорится, что “князь Александр Вишневецкий поставил новую слободу и острог на Лубне, и город хочет делати, а на Прилуцком городище на реке Удое в Черниговском уезде слободу же ставить хочет. А то Прилуцкое городище и река Удой со всеми угоды по обе стороны искони наша земля Черниговского уезда, а была изначально та волость оброчная, а жили в ней бортники в нашем медвеном оброке. А после того волость, Прилуцкое городище, роздана в поместье при нашем отце... великом князе Иване Васильевиче... детям боярским черниговцом”. И далее сообщается, что люди князя Вишневецкого “людей наших севрюков из наших волостей выбили... больше двухсот человек побили. А волости наши Путивльские запустошили, Хотенскую волость по Пслу и по Хоролу, волость Синетцкую, волость Клепетцкую, волость Тешковскую, а вверх по Удою и по городище Прилуцкое по обе стороны Удоя реки Черниговского уезда, у детей боярских, у черниговцов поместья их запустошили... А Новагородка Северского... волость бортную (запустошили)... И ныне приходя ис тех мест с Лубны в Путивльский уезд, и в Черниговский, и в Рьльский, и в новгородский уезд, и наших сиверских городов в уезды по многим местам, наших детей боярских и севрюков бьют и грабят и досмерти забивают и в нашу землю во многие места вступаются, и угоды всякими владеют, и рыбу ловят”¹³¹.

Таким образом, источники свидетельствуют, что основной костяк населения Северной земли в XIV—XVI вв. составляли древние местные жители края, именуемые севрюками. Севрюки локализируются на значительной территории, охватывающей Черниговский, Новгород-Северский, Путивльский, Рьльский уезды, а также по рекам Ворскла, Псёл, Сула, Удай, Трубеж. Эта территория в основном совпадает с областью распространения северянских памятников VIII-X вв. (роменская археологическая культура)¹³², то есть с границами древней Северной земли.

Границы феодальных княжеств XI—XIII вв. как бы “скрыли” этнические границы древних племенных объединений восточных славян. Феодальные земли-княжества (Черниговское и Переяславское) соединили в своих грани-

цах не прежнее племенное единство, а различные группы: первое — северу, часть вятичей, радимичей и полян; второе — полян, северу и оседавшие по его рубежам кочевые группы. Но разрушение социальных родоплеменных связей отнюдь не является разрушением прежнего этнокультурного состояния населения (в смысле общности по языку, происхождению, территории, быту и т. д.). Эти связи сохраняются значительно дольше. В новых исторических условиях XIV-XVI вв. древние жители Северной земли как бы “проявляются” вновь под именем “севрюков-севруков”.

Севрюки выстояли в постоянной борьбе со степняками. До 1571 г. охрана степной границы Московского государства во многом зависела именно от “путивльских севрюков”, постоянно ездивших на Донецкие сторожи, посылая “вести” о приближении татар¹³³. Не случайно прославился как удачливый полководец и гроза крымцев князь Рьльский и Новгород-Северский Василий Иванович Шемячич.

В первые десятилетия XVI в. московские воеводы приходили в Северскую землю только во время больших крымских походов. В борьбе с крымскими набегами жителям Северной земли помогала и природа края. Здесь было много лесов и оврагов, затруднявших продвижение татарской конницы. С другой стороны, татары часто предпочитали не иметь дело с воинственными севрюками, а направлялись к Москве или Рязани, где можно было легче грабить и меньше рисковать. И только, когда в 50-х гг. XVI в. окончательно оформилась передовая оборонительная линия, защищавшая от крымских набегов Северскую землю, уезды за Окой и Рязанскую землю¹³⁴, Московское правительство заменило на донецких сторожах севрюков “прибранными” на станичную службу детьми боярскими, которые несли царскую службу “из поместий”, а также конными казаками, которые наделялись “земельным жалованьем” на территории Путивльского и Рьльского уездов¹³⁵. Вызвана эта замена была, конечно, не тем, что севрюки “стояли на сторожах неусторожливо”, а появившейся у Московского государства к тому времени возможностью заняться устройством постоянной оборонительной линии. Однако и после реформы сторожевой службы, встречаем указания на то, что севрюки продолжают участвовать в обороне своей земли от татар¹³⁶. Так же мужественно боролись севрюки и с вооруженными нападениями со стороны польских феодалов.

Польские феодалы в 80-е и начале 90-х гг. XVI в. в связи с приближением окончания срока действия перемирия 1582 г., заключенного между Россией и Польшей, энергично создавали отряды так называемых “воровских черкас” и поощряли их частые набеги на юго-западные пограничные уезды Московского государства. В “обидных списках” русских посольств в Польшу постоянно говорится о наездах, грабежах и убийствах станичников в поместьях, а в ухожях* — бортников-севрюков¹³⁷. Севрюки устраивали иногда засады и рас-

* Ухожьи (ухожей) — участок, сдаваемый государством в аренду на несколько лет для сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей, рыбной ловли.

правлялись с грабителями: например, в отписке царю путивльского воеводы от 1589 г. сообщается о набегах черкасских казаков, которые пограбили у путивльских северюков лошадей, хлеб, рушницы, но северюки “отгромили” у них свои “борошны и лошади”¹³⁸. Необходимо отметить, что эти постоянные вторжения в Северскую землю со стороны Речи Посполитой носили характер не только грабежей, а чаще захвата территории и заселения её. Подданные Польского государства на захваченных у северюков землях “станы ставят”, и “в рыбных ловлях рыбу ловят”, “места заседают и слободы ставят”¹³⁹. В результате этой пограничной войны “запустошались” целые волости и постепенно туда проникали новые жители “черкасы”.

Иногда создается впечатление, что в социальном плане северюки — это те же казаки на службе у Московского государства. Однако отождествлять северюков с казаками нельзя. Итоговые сведения о социально-экономическом положении убитых и ограбленных жителей Путивльского и Черниговского уездов, приведенные Г. Н. Анпиловым в специальной таблице¹⁴⁰, говорят о том, что волощане-северюки принадлежали к категории государственных (дворцовых) крестьян, плативших медвяный оброк в царскую казну. Здесь же имеются сведения о начале закрепощения дворцовых крестьян. В одном из документов, относящихся ко времени походов Самозванца, о населении Северской земли говорится: “тутошние мужики северюки...”, “северюки мужики люди простые...”¹⁴¹. То есть, в массе своей северюки — это мужики, сидящие на своей земле и занимающиеся своими “мужицкими” делами, а мужиками, как известно, мало интересовались в те времена: удел их был в основном одинаков и в Литве, и в Польше, и в Московском государстве. Другое дело, когда северюки участвовали в обороне границы от татарских набегов, либо в столкновениях на московско-литовском рубеже — тогда сведения о них попадают на страницы разрядных и посольских дел. Характер этих источников и приводит порой к представлению о северюках как о социальной группе вроде казаков.

В вопросе о хозяйственных занятиях северюков также нет полной ясности. Люстраторы XVI в. говорят о северюках исключительно как о промысловом населении Левобережья Днестра, которое занимается рыбной ловлей, охотой, бортничеством в “уходах” по рекам Суле, Псле, Ворскле, Удаю и пр.¹⁴² Люстраторам выгодно было изображать Левобережные земли пустующими, без постоянного земледельческого населения, чтобы иметь основание на захват и заселение этих земель подданными Польско-Литовского государства. Свидетельством такой политики могут служить жалованные грамоты польских королей на раздачу земель в северских землях. В частности, в грамоте Сигизмунда III князю А. Вишневецкому говорится о “слущенье” с Вишневецкого “права его доживотного з дву северы — з одное на Коломаку, а з другое на Счучно речках (притоках Ворсклы)”¹⁴³. В другом документе — жалованной грамоте Сигизмунда-Августа черкасскому жителю Емельяну Ивановичу (1571 г.) — имеем детальное описание территориальных границ одной из “север” по реке Ворскле: “земли входной (то есть “уходной”) северы, за Черкасы

у двадцати милях”¹⁴⁴. Однако в указанной области несомненно было постоянное северское население, возможно, не очень многочисленное, но жившее не только в уходах, но и в “селищах”, об одном из которых говорится в документе 1552 г.: “Селище и городище за Днепром, у сивере на реце Ворскле, на имя Глинско”¹⁴⁵.

В русских источниках северюки часто называются “бортниками”, а их занятию бортничеством уделяется особое внимание. Ещё в известном “Сказании о Мамаевом побоище” князь Дмитрий Рязанский говорил Андрею Полоцкому, что к нему приходили “медокормцы из Северы”¹⁴⁶, то есть уже в XV в. Северская земля была важным поставщиком меда. В XVI-XVII вв. северюки-волощане платили медвяный оброк в царскую казну¹⁴⁷ и, в связи с этим, в актах писцового дела главным образом нашло отражение их занятие бортничеством. Вот несколько примеров из разных источников: “Меду пресного приходить старосте на год 11 кадей с северы, з уходов тых, што на Ворскле (1552 г.)”¹⁴⁸; “В той же реце Суле уход, названный Лужок, зо всеми пожитки и доходами тыми, которые бы одно из них здавна належали и выналезены были, меновите з сивера з даню медовою...” (1578, 1590 гг.)¹⁴⁹; “По всех северях с пять тысяч чмелы побили, меды побрали, пасечников порезали, побивали” (1648 г.)¹⁵⁰ и др.

Бортничество было широко распространенным промыслом на всей территории Восточной Европы в лесной и лесостепной зоне. Мед и изготовленные из него продукты занимали важное место в структуре питания восточных славян. Высоко ценился также воск. Поэтому добыча дикого меда охранялась нормами феодального права как в Древней Руси, так и в Литовском и Московском государствах. Того, кто “со пчолами дерево посечеть”, ожидала виселица¹⁵¹. Бортничество было развито в Северской земле ещё в последней трети I тыс. н. э.¹⁵² В древнерусский период обязательным атрибутом княжеского хозяйства были погреба для хранения меда¹⁵³. Так при разграблении двора Святослава Ольговича в Путивле в его медвяных погребах было найдено 5000 пудов меда¹⁵⁴. По данным литовской Метрики, бортные земли на Северщине представляли собой самостоятельные хозяйственные объекты — предмет “данин” великого князя литовского. Бортные угодья входили также в состав земельных владений в районе Чернигова, Путивля, Брянска¹⁵⁵.

Хозяйственные занятия северюков во многом определялись природными условиями Северской земли. В географическом отношении на территории расселения северюков можно выделить два основных района: северный (Полесье) с малоплодородными почвами и значительными лесными массивами и южный — район лесостепи с плодородными почвами, удобными для земледелия¹⁵⁶. Михаил Литвин, бывший в 1544 г. в Киеве, пишет об его окрестностях, и это описание вполне отвечает условиям на левом берегу Днестра: “...пашни, вспаханные один раз двумя быками, дают богатую жатву, а необработанные поля производят травы и деревья с прекрасными плодами, питающие человека. Старые дубы и ясени, в которых образовались дупла, изобилуют роями пчел и сотами приятными цветом и вкусом. Зверей... множе-

ство” (буйволы, дикие ослы, олени, козы, кабаны, газели). “На берегах рек живет много бобров. Птиц удивительно много... реки до невероятности обильны всякого рода большой рыбой”¹⁵⁷.

Природные богатства южных районов Северской земли безусловно способствовали тому, что рыболовство, охота и бортничество играли значительную роль в хозяйстве населения. С другой стороны, постоянные татарские вторжения вели к сокращению обрабатываемых земель, к некоторому упадку земледелия в пограничных областях. На этом основании некоторые исследователи пишут о полном забвении земледелия¹⁵⁸, что, безусловно, неверно. Крестьянское хозяйство немислимо без хлеба, а значит и без выращивания его, особенно в XV—XVI вв., когда безраздельно господствовало натуральное хозяйство. Другой вопрос — о соотношении в хозяйственных занятиях этого времени между пашенным земледелием и промыслами. Ещё М. В. Довнар-Запольский считал, что “в XVI в. преобладающим типом хозяйства здесь было не земледелие, а эксплуатация ухажав”¹⁵⁹. М. С. Грушевский также считал, что на Северщине в XV—XVI вв. пашенное земледелие “делило свое значение в хозяйстве... с разными другими источниками доходов, а собственно занимало рядом с ними второстепенную позицию”¹⁶⁰. В современной литературе эту особенность экономики Северской земли исследователи определяют как преобладающее развитие промыслов — бортничества, рыболовства, охоты — в сравнении с земледелием¹⁶¹. Достаточно убедительное подтверждение этого вывода дают московские источники XVI в. — “обидные списки” 1580—90-х гг. — с перечнем “обид”, причиненных польско-литовской стороной. Среди названных “обид” на Северщине преобладают разорения бортей, рыбных ловлей, бобровых гонов и угон лошадей, однако говорится и об увезенном хлебе и сене¹⁶². Таким образом, в экономике Северщины этого времени преобладали занятия разнообразными промыслами при сохранении земледелия.

Ведущей отраслью земледелия было производство зерна. “Пашни” и пашенные земли” фиксируются документами того времени, а среди зерновых культур упоминаются прежде всего рожь и пшеница¹⁶³. Ехавший в конце XVI в. на Запорожье Эрих Лассота утверждает, что он видел среди полей деревянные срубы, из которых хлебопашцы отстреливались от неприятеля¹⁶⁴. О том, что северюки продолжали заниматься хлебопашеством в условиях постоянной военной опасности свидетельствует также тот факт, что черкасы грабили у них главным образом “борошна”, то есть хлеб¹⁶⁵. В описании г. Канева 1552 г. * говорится относительно Левобережья, что “земля по полям мещанам на пашню издавна была свободна, но недавно князь Владимир Путивльский, вышедши из Москвы, начал на тех землях с пашен мещанских брать десятину”¹⁶⁶. Плодородие пашенных земель в Северской земле отмечал в своих “Записках о Московии” С. Герберштейн¹⁶⁷.

О древних традициях земледелия в Северской земле свидетельствуют бортные знамена, изучавшиеся Г. Н. Анпиловым на основании путивльских и рьльских переписных материалов конца XVI начала XVII вв. Среди ри-

сунков бортных знамен, изображающих различные орудия труда, предметы хозяйственного снаряжения, быта, природы, большое место занимают сельскохозяйственные орудия, особенно сохи и орики (то есть рала)¹⁶⁸. Археологические материалы этого района дают разнообразные сельскохозяйственные орудия XIV—XV вв., аналогичные древнерусским¹⁶⁹. О распаханной земле в урочищах бортных ухажав упоминают писцовые материалы¹⁷⁰. Распашей-клинов было довольно много в расположении бортных ухажав, поэтому в хозяйстве земледельцев-бортников потребность в различных пашенных орудиях была велика. Среди названий бортных знамен, упоминаемых в рьльских и путивльских писцовых книгах встречаются “острова”, “островка”. Согласно этнографическим материалам XX в. на севере и у белорусов одна из частей приспособления для хранения и сушки снопового хлеба, сена, гороха, льна и т. д. называется “острови” и представляет собой ель с частично обрубленными сучьями¹⁷¹. Наличие подобных приспособлений в ухажав несомненно свидетельствует о земледельческих занятиях их хозяев.

В северных районах — северная Черниговщина, Стародубщина — земледелие, основанное на расчистке лесных участков, также имело древнюю и прочную основу¹⁷², но из-за низкой урожайности малоплодородных почв, лесные промыслы (бортничество, собирательство, охота) играли существенную роль в хозяйстве населения. Важность этих промыслов для населения всех районов Северской земли обуславливалась, начиная с княжеских времен и вплоть до XVII в., необходимостью платить дань государству главным образом медом, а также скорою (мехами), сеном¹⁷³.

Города Северской земли — Чернигов, Новгород-Северский, Путивль, Стародуб, Брянск — отделялись один от другого обширными лесными массивами. Вот как об этом пишет С. Герберштейн: “вокруг Брянска — огромный лес”, “Чернигов расположен за большим лесом, который достигает 24 миль в ширину”. По словам Герберштейна, в этих лесах водились “огромное количество горностаев, белок и куниц”¹⁷⁴. О богатстве животного мира Северской земли свидетельствуют и более поздние по времени данные (конец XVIII в.) о стародубской ярмарке, на которую привозили “з сотень Мглинской и Новомеской ведмежие, волчье, лисичье, куничье, беличьи, рыси, горносталя, коз диких, бобровые и выдровые кожи”¹⁷⁵. Естественно, в таких условиях охота была постоянным занятием населения, о чем свидетельствуют многочисленные упоминания о “сочении зверя”, “бобровых голах”, “бобровых берегах” и “ловищах” в жалованных грамотах¹⁷⁶. Особенно ценился в то время куний мех, в связи с чем характерной выглядит жалоба депутации киевлян к Сигизмунду I об утрате путивльских волостей, с которых они “кони... езджи-вали и шубы теплы куньи одевали”¹⁷⁷.

Наличие разветвленной речной сети и большое количество рыбы¹⁷⁸ способствовало развитию рыболовства. Археологические раскопки выявили рыболовные снасти XIV—XV вв. (ости, крючки, грузила и пр.) сходные с древнерусскими¹⁷⁹.

В целом сведения о хозяйстве в Северной земле XV—XVI вв. очень скудны, что неоднократно отмечалось в литературе. Однако, исследуя сельское хозяйство Московской Руси в XVI в., Н. Рожков пришел к выводу, что хозяйство Северских уездов этого времени не было в упадке¹⁸⁰. Таким образом, в XIV—XVI вв. на территории Северной земли жило древнее местное население севрюки, занимавшееся земледелием, бортничеством, а также рыболовством, собирательством и охотой.

Начиная с XVII в. все меньше и меньше встречается упоминаний о севрюках, а к середине XVII в. наименование это почти исчезает со страниц источников. Ну а население, именовавшееся в XV—XVII вв. севрюками, исчезло ли оно вместе с названием или выступает уже под иным именем?

Ещё в начале XVI в., войдя в состав Московского государства, Северская земля стала одним из звеньев в системе обороны “крымской украины”, а население её частично привлекалось к участию в обороне границы. Проведенная московским правительством в начале 70-х гг. XVI в. перестройка станичной и сторожевой службы на поместной основе, одновременно подорвала старое феодальное оброчное и посадское землевладение, господствовавшее здесь раньше. Об этом, в частности, свидетельствуют факты, сообщаемые отдельной книгой 1594 г. по Путивльскому уезду¹⁸¹. Подобный процесс характерен и для других городов и уездов восточной части Северной земли — Рьльска, Новгорода-Северского. В западной части Северной земли (Черниговский уезд), которая меньше страдала от татарских нападений в силу природной защищенности лесами и реками, развитие поместного землевладения началось значительно раньше¹⁸².

В Московском государстве конца XVI — начала XVII вв. класс феодалов оформился ещё недостаточно четко. Сложившиеся в XIII—XIV вв. верхние этажи социальной пирамиды на Руси делились на бояр, слуг вольных и слуг под дворскими. Первые две группы обладали на своих землях широкими полномочиями: они судили население своих сел за все проступки и преступления. Слуги под дворскими (дворский — управляющий княжеским хозяйством), мелкие феодалы-землевладельцы, верной службой зарабатывали своё благополучие. Значительные изменения произошли в структуре феодального класса в XV в. Став подданными государя, удельные князья сохранили право собственности на свои земли, однако их владения по статусу всё больше сближались с боярскими вотчинами. Князья и бояре платили налог местным властям, но имели законное право проживать и служить где и кому хотят. Боярин мог покинуть князя без предупреждения в любой момент, воспользовавшись правом “отказа”. Недаром государя и удельные князья предпочитали боярам услуги холопов и зависимых людей. Однако право “отказа” являлось гарантией боярской свободы лишь до тех пор, пока его обладателям было куда уйти. После становления Московского государства они потеряли это право, а других гарантий независимости у них не было изначально.

Но наиболее важными для центральной власти были ее отношения с основной массой феодалов. Последние составляли основу войска, а значит,

должны были иметь земельную собственность, так как государство не могло обеспечить их вооружением и лошадьми. Иными словами, великий князь, а затем и государь должны были проводить широкие земельные раздачи и в то же время гарантировать сохранность земель каждого феодала, не допускать смены их владельца. Поэтому служилые люди, получившие от князя земли, не имели права продавать или дарить их. Таких феодалов называли помещиками (от “испомещенный на новых землях”), а их владения — поместьями¹⁸³. Раздавать поместья за службу особенно удобно было на окраинных землях¹⁸⁴, какой в XVI—XVII вв. была Северская земля.

Отдельная книга 1954 г. сообщает о происхождении помещиков из путивльских детей боярских, стрельцов, белодворцев, посадских людей, а также из волощан-севрюков¹⁸⁵. Это свидетельствует о том, что в высшую категорию служилых людей — “служилых по отечеству” (по происхождению) — ещё был открыт доступ из приборных служилых людей, а также различных “вольных” людей, то есть процесс кристаллизации классов и сословий на Руси ещё не получил окончательного завершения.

В период средневековья этническое самосознание было многозначным и не всегда отчетливым; оно часто оттеснялось на второй план “земляческим” (узкотерриториальным) или религиозным самосознанием, чувством принадлежности “своему” сюзеру и т. п.¹⁸⁶ Севрюки, попавшие в одну из категорий служилых людей Московского государства, быстро теряют свое былое название. Ещё в конце XVI в. они упоминаются в отдельной книге г. Путивля, а уже росписной список Путивля 1626 г. не говорит о них ни слова. В то же время, примерно до середины XVII в. в источниках иногда употребляется название “севрюк” применительно к местным жителям Слободской Украины, интенсивно заселявшейся в то время так называемыми черкасами. В челобитной белгородского попа за 1657 г. говорится о севрюках, которые издавна жили и занимались промыслами во владениях Николаевской церкви по рекам Лопань и Харьков, а теперь там поселились черкасы¹⁸⁷. Некоторые исследователи приводят свидетельства документов за 1639 и 1647 гг. о том, что в бассейнах рек Ворсклы, Псла, Северского Донца были промыслы и “вотчины” (то есть ухожеи) севрюков¹⁸⁸. Однако, в тех немногочисленных документах XVII в., где упоминаются севрюки, заметна тенденция чаще именовать их путивльцами, рьяльцами, белгородцами, черниговцами или согласно наименованиям различных категорий служилых людей. Так в документе, относящемся к 1653 г., путивльский воевода Арсеньев сообщает о столкновениях местных государевых бортников севрюков с черкасами, которых правительство поселило “в новый Сумин город”, построенный в устье реки Сумы¹⁸⁹. Автор воеводской “отписки” явно предпочитает именовать местных жителей “путивльскими бортниками”, “государевыми бортниками” и только дважды называет их “севрюками”. Аналогичны этому другие документы, где название “севрюк” вообще не употребляется, но речь идет о местном населении путивльского, рьльского и других уездов бывшей Северной земли¹⁹⁰.

Дольше всего название “севрюк” держится в районах Слободской Украины, которые были окончательно освоены государственной властью только во второй половине XVII в. Но и применительно к этим районам упоминания о севрюках исчезают в документах примерно с середины XVII в. А. Г. Слюсарский считает, что это связано с переходом севрюков в казачество¹⁹¹. Думается, что такое объяснение справедливо только для какой-то части севрюков — служилых людей, казаков. Население восточной части бывшей Северной земли в XVI—XVII вв. попадает в сферу социально-экономической и политической системы Русского государства и постепенно утрачивает свое былое название. Основная масса этого населения — мужики-севрюки превращается в крепостных крестьян.

Северское население западной части бывшей Северной земли исторически было более тесно связано с областью Среднего Приднепровья, где шел процесс формирования украинской народности и государственности. В условиях тревожной пограничной жизни королевское правительство Речи Посполитой не только терпело казачьи поселения на юге, но само попыталось создать в первой половине XVII в. на севере казачьи отряды, предоставляя земельные участки за службу по 4 волоки (примерно 19 десятин пахотной земли) на коня. Были организованы сотни: Стародубская, Мглинская, Трубчевская, Почепская и др.¹⁹², но количество записанных в них казаков (реестровых) было небольшим в сравнении с массой крестьянского населения¹⁹³. Однако социальное значение новой системы землепользования и административного устройства, по-видимому, было значительным для общественной жизни северного Левобережья. Поэтому севрюки Черниговщины и Переяславщины несколько раньше утратили не только свое название, но и свою областную обособленность.

В то же время память о древнем названии жителей Северной земли сохранилось в ономастике (этнонимии и топонимии) края. Говоря о топонимах, связанных с названием “севера”, следует иметь в виду, что их не так уж много. Общеизвестно название города Новгорода-Северского, реки Северский Донец, а также в XVII—XVIII вв. г. Стародуб именовался Северским. Однако кроме этих топонимов, в Генеральном описании Левобережной Украины 1765—1769 гг. (Румянцевская опись) не зафиксирован ни один населенный пункт с названием, связанным с этнонимом “севера”, “севрюк”¹⁹⁴. По сведениям Черниговского статистического комитета в конце XIX в. в Черниговской губернии известен только автор “Северюков” Стародубского уезда¹⁹⁵. Понятно, что жителям Северной земли, северянам, а затем севрюкам не было необходимости называть свои поселения, реки, урочища и пр. “северскими” или “севрюковскими”. Не случайно сохранившиеся топонимы встречаются либо в области, куда продвигалось северское население (Северский Донец) и осваивало их, либо в пограничных районах северского расселения, где шло разграничение групп населения. Так, в некоторых документах Поместного приказа сохранились сведения об урочищах, колодцах, гатях, носивших названия “севрючких”, “севрючих”. В Белгородской отказной книге 1637 г. говорит-

ся об урочище “Севрючий колодезь избище”, находившимся на р. Липовом Донце против Непхаева болота¹⁹⁶. Урочище “Севрючье гатище” в верховьях р. Псел упоминается в отказной книге Обоянского уезда за 1665 г.¹⁹⁷

Но топоним “севрюк” встречается не только на юго-востоке бывшей Северной земли, где долгие годы держалось наименование местного населения севрюки. Известен он и на северо-западе края, в области соприкосновения древних северских поселений с радимичскими. Еще в 70-х гг. XVIII в. на левом берегу р. Сож против г. Гомеля существовали сельцо и деревня Севрюки, а неподалеку упоминается большой лесной массив Севрюковская пушча¹⁹⁸. Впоследствии бывшая деревня была переведена в ранг города и получила название город Новая Белица, а ее жители были записаны в мещане, однако старое название сохранилось в наименовании слободы Севрюки¹⁹⁹.

Этноним “севрюк” встречается в источниках XVII—XVIII вв. в виде прозвищ и фамилий среди различных социальных групп населения Северной земли. Например, в списке Новгород-Северских служилых людей, которые “сидели в осаде” встречаем Богдашку Севрюкова среди детей боярских, Севрючку Данилова среди имен жилецких стрельцов²⁰⁰. В одном из документов Разрядного приказа сообщается о побеге от боярина князя Лыкова его крепостного человека Война Севрюкова, приводится интересное описание внешности и одежды этого “вора и изменника”, а также упоминаются его братья родные “такие же воры и изменники” Бушумко да Дунамко Севрюковы²⁰¹. Попутно отметим, что у севрюков значительно долгие, чем в целом у восточных славян, сохранялись древние дохристианские славянские имена. В документе 1614 г. некий драгун Изот Севрюков просит о переводе его на службу из одного города в другой²⁰². В реестре казачьего войска Сагайдачного среди имен полковников встречаем Цецюру Севрука²⁰³. В списке дворян Острогожской провинции (современная Воронежская область) 1767 г. встречаем фамилию Сиверский²⁰⁴. В наше время лингвист В. Г. Денисевич, изучая историю диалектных слов употребляемых в Курско-Белгородских говорах, зафиксировал в ряде районов этих областей фамилию “Севрюков”. При этом Денисевич отмечает, что слово “севрюк” используется как прозвище и фамилия многих старожилов, предки которых переселились в Курский край из Путивля и междуречья Сейма и Десны²⁰⁵. Всё это свидетельствует о том, что севрюки не исчезли, так сказать, физически, как население данной территории. Исчезло их название и выделение их как особой группы.

Как и топонимы, происходившие от слова “севрюк”, этнонимы, связанные с этим названием чаще встречаются не на собственно северской территории, а в пограничных или соседних областях, то есть там, где человек получал прозвище или фамилию по названию края, откуда он родом. Например, прозвище “Севрюк” встречается в люстрациях Киевского, Черкасского, Каневского замков, но его нет в описании Остерского замка. Тем самым фиксировалась принадлежность самого носителя имени или его предков к отличной от окружающего населения группе. В самом деле, какой смысл называться “севрюком” среди севрюков или “литвином” на территории Литовского государ-

ства. Заметим, что на территории Северской земли довольно часто встречаются фамилии Литвин, Литвинченко, Москаль, Коломыец, Бойко, Барышполец, Ляшок и др.²⁰⁶, свидетельствующие о происхождении их носителей из разных областей или государств. Но появляются такие фамилии в значительном количестве, как правило, в документах не ранее XVII—XVIII вв.

Таким образом, северяки — это исконное население Северской земли, потомки древней северы. В XIV—XVI вв. они представляли собой особую группу древнего восточнославянского населения. В силу исторических условий, в которых оказалась Северская земля после монгольского нашествия, её древние жители сохраняли свою “особность” вплоть до XVII в., когда они были втянуты в процесс формирования украинской и русской народности. Причем северяки не составили какой-то отдельной социальной или этносоциальной группы в составе русского или украинского народа, они органически влились в сам процесс формирования этих народов. Та часть северяков, что попала в служилое сословие, особенно быстро потеряла свое былое наименование. Основную массу населения Северской земли — мужиков-северяков — постигла впоследствии участь всех мужиков России — закрепощение.

О северяках XV—XVII вв. сведения отрывочны и скудны, чтобы охарактеризовать их как определенную этническую общность. О. В. Русина, изучавшая историю Северской земли в составе Великого княжества Литовского, определяет эту область как диалектно-этнографическую, отмечая что этнокультурные особенности её населения сложились в процессе “колонизации ими Левобережья Днепра и метисации на основе локального этноsubstrata”²⁰⁷. Мы знаем, что северяки жили на территории, в целом совпадающей с границами летописной северы, а русские, литовские и польские источники XIV—XVI вв. называют жителей Северской земли “северяками”; это же название сохраняется в этнонимии и топонимии края и смежных районов. Оно происходит от названия древнейших обитателей Северской земли “северян” и, по всей видимости, было самоназванием местного населения этого края в XIV—первой половине XVII вв.

Отечественные исследователи, занимаясь типологизацией этнических общностей, отмечают наличие у этих общностей переходных состояний. При этом подобные состояния могут быть обусловлены процессами, протекающими как в социально-экономической, так и в этнической сфере. Чаще всего переходные состояния этнических общностей связаны с переходными периодами общественного развития²⁰⁸. Период XIV — начала XVII вв. — время формирования народностей у восточных славян²⁰⁹. При этом, если с одной стороны, протекал процесс, направленный на объединение в народность различных этнических групп, главным образом родственных восточнославянских, то, с другой — ещё долго продолжалось этноэволюционное развитие этих групп²¹⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Северяки, без сомнения, потомки летописной северы, локальная группа древнерусского населения, в силу исторических условий продолжавшая свое этноэволюционное развитие вплоть до начала XVII века. Геополитическая нестабильность на территории Северской земли в XIV—XVI вв., определявшаяся неоднократными передвижками границ между Московским государством, Великим княжеством Литовским и Польским королевством, боровшимися за территориальное наследие исторической Руси, способствовала более длительному сохранению этнокультурной обособленности населения этого региона по сравнению с другими регионами восточнославянского мира. Наиболее часто переходные состояния этнических общностей, таких как северяки, завершаются изменением не только их этнических свойств, а прежде всего сменной этнического самосознания²¹¹, что неизбежно выражается в смене самоназвания. Именно этот процесс, происходивший в Северской земле, прослеживается в письменных источниках XVII века: этноним “северяки” исчезает.

В формировании новых этносов немалую роль играет взаимодействие многих этнических элементов, особенно в формировании таких крупных этносов как русский и украинский. Северяки явились одним из таких этнических элементов в процессе формирования украинского и, в меньшей степени, русского народа. В XVII в. завершается “этническое растворение” северяков, как отдельной этнокультурной группы населения. Основным фактором, способствовавшим этому “растворению”, послужили социально-политические изменения, происходившие на территории Северской земли в XVII—XVIII вв. и связанные с ними переселенческие движения.

Библиографические ссылки

¹ Дискуссии вокруг проблем этничности, развернувшиеся на рубеже 80-90-х годов, привели к пересмотру стадиально-исторического принципа типологизации этноса. В “Концепции государственной национальной политики”, принятой в 1996 г. понятия “народ”, “национальность” используются в этнокультурном значении. — Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сукоколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 27-35.

² Голубовский П. В. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1881; Багалей Д. И. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1882; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940.

³ Грушевский М. С. Історія України-Русі. Т. 1, 3-е издание, Київ, 1913, с. 3-6, 18-20.

⁴ Грушевский М. С. Чернігів і Сіверщина в українській історії. // Чернігів і північне Лівобережжя. Київ, 1928, с. 114-115.

⁵ Jablonowski A. Polska XVI w. pod względem historyczno-statycznym, tt. 9-11, Ukraina. — Złoda dziejowe, tt. 20-22, Warszawa, 1894-1897; Левобережная Украина в XV-XVI вв. // Киевская старина, 1896, № 5; Zaludnienie Ukrainy. // Pisma Aleksandra Jablonowskiego, t. 1, Warszawa, 1910, s. 72-197; Gospodarka polska na Zadnieprzu siewierskim. — Przegląd Historie, t. XIX, Warszawa, 1915.

⁶ В диссертации Н. Б. Шеломановой подробно разбирается вопрос о государственных границах Польши и России в XVI и XVII вв. Она доказала ошибочность существовавших долгое время представлений о рубежах этих государств в XVI в. — Образование западной части территории России в XVI в. в связи с её отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. М., 1970.

⁷ Kuczynski S. M. Zziemie Czernihowsko-Siewierskie pod kładami Litwy. Warszawa, 1936.

⁸ Население Юго-Западной России от второй половины XIII в. до половины XV в. // Архив Юго-Западной России. Ч. УП, т. 1; Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569). // Там же. Т. 2.

⁹ Багалей Д. И. Очерки истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887; Грушевский М. С. Історія України-Русі. Т. УП, Київ-Львів, 1909.

¹⁰ Думин С. В. Другая Русь (Великое княжество Литовское и Русское) // История отечества: люди, идеи, решения. Очерк истории России 9 — начало 20 вв. М., 1991.

¹¹ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 45, 246.

¹² ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 117-118.

¹³ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М. 1962. Ст. 840, 860-862.

¹⁴ Там же. Ст. 872, 892.

¹⁵ Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 91, 129-130, 146-148, 174-176, 194-196, 215-217; Хроника Быховца // ПСРЛ. Т. 32. М., 1975. С. 130-131.

¹⁶ Strykowski M. Kronika Polska, Litewska Zmodzka i wszystkiej Rusi. Warszawa, 1846. Cz. 1. S. 247-248; Kronika Polska Marcina Bielskiego. Sanok, 1856. T. 1. S. 257; Софонович Ф. Хроніка з літописців стародавніх. Київ, 1992. С. 171-172; Хроника литовская и жмойтская // ПСРЛ. Т. 32. С. 23-24.

¹⁷ Пашуто В. Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 70-77; Улащик Н. Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985. С. 158-172; Русина О. В. Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. Київ, 1998. С. 55-56.

¹⁸ Летописи белорусско-литовские. С. 96, 153, 180, 200, 221; Хроника Быховца. С. 137.

¹⁹ Клепачский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. Одесса, 1912. С. 1-12.

²⁰ Приселков М. Д., Фасмер М. Р. Отрывки В. Н. Бенешевича по истории русской церкви XIV века // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук. 1916 г. Т. XX1. Кн. 1. Пг., 1916. С. 48-70.

²¹ Петрунь Ф. Українські степи за ранньої татарської та за литовської доби: Замітки і зауваження // Полуднева Україна. Київ, 1930. С. 160; Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. Warszawa, 1936. S. 106-108; Рогов А. И. Русско-польские культурные связи в эпоху XV Возрождения: (Стрыйковский и его хроника). М., 1966. С. 156; Батура Р. К. Борьба Литовского великого княжества против Золотой Орды: От нашествия полчищ Бату до битвы у Синих Вод. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Вильнюс, 1972. С. 20-21; Шабульдо Ф. М. Про початок приєднання Великим князівством Литовським земель Південно-Західної Русі // Український історичний журнал. 1984. № 6. С. 44-46; Его же. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 26-31; Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси конца XIII — начала XV века. М., 1983. С. 243-244; Гудавичюс Э. По поводу так называемой “диархии” в Великом княжестве Литовском // Феодализм в Балтийском регионе. Рига, 1985. С. 39; Ставский В. И. “Киевское княжение” в политике Золотой Орды (первая четверть XIV в.) // Внешняя политика Древней Руси. М., 1988. С. 98-99; Яковенко Н. М. Українська шляхта з кінця XIV ст. до середини XVII ст. (Волинь і Центральна Україна). Київ, 1993. С. 84; Дворниченко А. Ю. Русские земли Великого княжества Литовского (до начала XVI в.): Очерки истории общины, сословий, государственности. СПб., 1993. С. 94-96.

²² Русина О. В. Указ. соч. С. 60-66.

- ²³ Патриаршая или Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 10. М., 1965. С. 228; Рогожский летописец // ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Пг., 1922. Ст. 65.
- ²⁴ Андрияшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку. // Записки історично-філологічного відділу ВУАН. Кн. 20. Київ, 1928. С. 116; Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 116-120; Клепатский П. Г. Указ. соч. С. 16-22; Шабульдо Ф. М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 65.
- ²⁵ Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти великого князя Ольгерда // Антонович В. Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 115; Лазаревский А. М. Описание старой Малороссии: Материалы для истории заселения, землевладения и управления. Киев, 1889. Т. 1. С. 209; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского Статута. М., 1892. С. 44; Клепатский П. Г. Указ. соч. С. XXIII; Андрияшев О. Указ. соч. С. 21; Беляева С. А. Южнорусские земли во второй половине XIII-XIV в.: (По материалам археологических исследований). Киев, 1982. С. 37.
- ²⁶ Голубовский П. В. История Смоленской земли до начала XV ст. Киев, 1895. С. 307; Грушевський М. С. Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 3. С. 179.
- ²⁷ Флоря Б. Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России. М., 1982. Вып. 1. С. 60-65.
- ²⁸ Русина О. В. Указ. соч. С. 79.
- ²⁹ Грушевський М. С. Очерк истории Киевской земли от смерти Ярослава до конца XIV столетия. Киев, 1891. С. 494-496.
- ³⁰ Егоров В. Л. Золотая Орда перед Куликовской битвой // Куликовская битва. М., 1980. С. 181-191.
- ³¹ Флоря Б. Н. Указ. соч. С. 151-152.
- ³² Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 4. С. 43, 47.
- ³³ Сборник имп. Русского исторического общества. Т. 95. С. 153-154.
- ³⁴ Бойко О. Д. Історія України. Київ, 1999. С. 81-83; Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1993. С. 98; Русина О. В. Указ. соч. С. 85-87.
- ³⁵ Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 4. С. 67-68.
- ³⁶ Козубовський Г. А. Сіверські монети XIV ст. Київ, 1992. С. 40.
- ³⁷ Это перемирная грамота Ольгерда с великим князем московским Дмитрием Ивановичем 1372 г. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. М.; Л., 1950. № 6. С. 22; Грамоты XIV ст. № 23. С. 47; Сказания и повести о Куликовской битве. С. 17, 36.
- ³⁸ Муравьева Л. Л. Летописание Северо-Восточной Руси... С. 253.
- ³⁹ Летописи белорусско-литовские. С. 223; Хроника Быховца. С. 141.
- ⁴⁰ Рогожский летописец. Ст. 138.
- ⁴¹ Описание дискуссий по этой проблеме в исторической литературе см.: Русина О. В. Указ. соч. С. 165-166.
- ⁴² Там же. С. 173-174.

- ⁴³ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 14, 28-30, 45-46, 49-51, 53, 57, 82, 116.
- ⁴⁴ Бережков Н. Г. Литовская Метрика как исторический источник. М.; Л., 1946. С. 57, 71-77, 116.
- ⁴⁵ Московский летописный свод конца XV века. С. 266-269.
- ⁴⁶ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 123, 744-746; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссиею (далее Акты Западной России). Т. 1. № 139. С. 163-164.
- ⁴⁷ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 123; Акты Западной России. Т. 1. № 139. С. 163-164.
- ⁴⁸ Пресняков А. Е. Образование Великодержавного государства: Очерки по истории XIII-XV столетий. Пг., 1918. С. 409; Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 407-408; Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в.: Историко-генеалогическое исследование. М., 1986. С. 49; Кром М. М. Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV — первой трети XVI в. М., 1995. С. 63.
- ⁴⁹ Андрияшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI ст. С. 126; Русина О. В. Указ. соч. С. 108-109.
- ⁵⁰ Акты Литовской Метрики. Вып. 1. № 223. С. 88; № 339. С. 131; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 510, 516-517.
- ⁵¹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 712-713.
- ⁵² Акты Литовской Метрики. Вып. 1. № 328. С. 128; Вып. 2. № 471. С. 21; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 643-644.
- ⁵³ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 330 об. -331; Акты Литовской Метрики. Вып. 2. № 435. С. 5.
- ⁵⁴ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 245-246, 284; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 330 об. -331.
- ⁵⁵ Владимирский-Буданов М. Ф. Поместное право в древнюю эпоху Литовско-Русского государства // ЧИОНЛ. 1889. Кн. 3. С. 76-78; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С. 703-704.
- ⁵⁶ Акты Литовской Метрики. Вып. 2. № 471. С. 21; № 511. С. 43; Акты Западной России. Т. 1. № 178. С. 202; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 727.
- ⁵⁷ Кром М. М. Меж Русью и Литвой. С. 142; Довнар-Запольский М. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. Киев, 1905. Приложения. № 1. С. 3-5.
- ⁵⁸ Kuczynski S. M. Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rządami Litwy. S. 251-252, 370.
- ⁵⁹ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 306 (1488 г.).
- ⁶⁰ Довнар-Запольский М. В. Очерки по организации западно-русского крестьянства в XVI веке. С. 54-55.
- ⁶¹ Русина О. В. Указ. соч. С. 125.

- ⁶²Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 28, 51, 426, 644-645, 734, 735, 736; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 279. С. 109; № 339. С. 131-132; № 385. С. 153; Вып. 2. № 434. С. 4; № 437. С. 6; № 511. С. 43.
- ⁶³Леонтович Ф. И. К истории административного строя Литовского государства (оттиск с “Варшавских университетских известий” 1899 г.). С. 71; Любавский М. К. Областное деление и местное самоуправление Литовско-Русского государства. С. 302.
- ⁶⁴Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 754.
- ⁶⁵РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. Лл. 137-143.
- ⁶⁶Акты Западной России. Т. 2. № 204. С. 368-370.
- ⁶⁷Там же. Т. 3. СПб., 1848. № 52. С. 157-158.
- ⁶⁸Кулиш П. А. Материалы для истории воссоединения Руси. М., 1877. Т. 1. № 7. С. 17-19; Клепатский П. Г. Очерки по истории Киевской земли. С. 83; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 12; Ульяновский В. И. Россия в начале Смуты: Очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 1. С. 65.
- ⁶⁹Русина О. В. Указ. соч. С. 154-155.
- ⁷⁰Торговля на Україні: XIV — середина XVII століття (Волинь і Наддніпрянина). Київ, 1990. № 11. С. 25-26.
- ⁷¹Там же. № 56. С. 76-77.
- ⁷²Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М., 1956. С. 66-95.
- ⁷³Сборник имп. Русского исторического общества (далее — Сб. РИО). Т. 35. С. 22-23, 26, 260; Акты Западной России. Т. 1. № 157. С. 178.
- ⁷⁴Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 463-464; Торговля на Україні. № 18. С. 34-35.
- ⁷⁵Сб. РИО. Т. 35. С. 9-10 (1488 г.); Демченко В. Торговля Москвы с Литвой, Крымом и Турцией по дипломатическим сношениям эпохи Ивана III и Василия III // *Minerva*. Киев, 1917. Вып. 6. С. 61.
- ⁷⁶Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 218, 220; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 195. С. 75; Торговля на Україні. № 16. С. 31.
- ⁷⁷Фехнер М. В. Указ. соч. С. 17.
- ⁷⁸Акты Литовско-Русского государства. № 33. С. 63.
- ⁷⁹Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 707.
- ⁸⁰РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 223. Л. 183 об.; Русина О. В. Указ. соч. Приложение. С. 212.
- ⁸¹Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 712-713.
- ⁸²Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 265-266; Клепатский Р. Г. Очерки по истории Киевской земли. С. XL.
- ⁸³Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971. С. 74-75, 77-78, 80.

- ⁸⁴Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. С. 224, 267.
- ⁸⁵Дашкевич Я. Україна на межі між Сходом и Заходом (XIV-XVIII ст.) // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Львів, 1991. Т. ССХХІІ. С. 43.
- ⁸⁶Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі: До питання про татарську Україну // *Східний світ*. 1928. № 2. С. 175-187.
- ⁸⁷Там же. С. 178.
- ⁸⁸Акты западной России. Т. 1. № 183. С. 211.
- ⁸⁹Сб. РИО Т. 35. № 62. С. 291.
- ⁹⁰Акты Западной России. Т. 1. № 1. С. 1; Т. 2. № 6. С. 4.
- ⁹¹Петрунь Ф. Ханські ярлики на українські землі. С. 177, 180, 185.
- ⁹²Dziadulewicz S. Pierwiastek turanski u szlachty ukraińskiej // *Miesiecznik Heraldyczny*. 1931. S. 133-140.
- ⁹³Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV-XV веках: Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 401-405; Хорошкевич А. Л. Россия и мировые торговые пути конца XV в. // *Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе*. М., 1972. С. 34, 37.
- ⁹⁴Грушевський М. С. Козаки в 1470-х рр. // Записки наукового товариства ім. Шевченка. 1903. Кн. 6. С. 2.
- ⁹⁵Сб. РИО. Т. 35. С. 9-12, 25-32, 43-45, 63-65 (1488-1492 гг.).
- ⁹⁶Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий: Очерки социально-политической истории. М., 1982. С. 93.
- ⁹⁷Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980. С. 89; Батура Р. К., Пашуто В. Т. Культура Великого княжества Литовского // *Вопросы истории*. 1977. № 4. С. 101; Зимин А. А. Россия на рубеже XV-XVI столетий. С. 233.
- ⁹⁸Київський літопис першої чверті XVII ст. // *Український історичний журнал*. 1989. № 5. С. 105; Хроника литовская и жмойтская. С. 95.
- ⁹⁹Русина О. В. Указ. соч. С. 183-200.
- ¹⁰⁰Сб. РИО. Т. 35. С. 380.
- ¹⁰¹Там же. С. 399-400.
- ¹⁰²Там же. С. 460.
- ¹⁰³Акты Западной России. Т. 2. № 43. С. 53-56.
- ¹⁰⁴Население Юго-Западной России от второй половины XIII в. до половины XV в. // *Архив Юго-Западной России (далее АЮЗР)*. Ч. УП. Т. 1. Киев, 1886; Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569) // АЮЗР. Ч. УП. Т. 2. Киев, 1890; Акты о заселении Южной России XVI-XVIII вв. // АЮЗР. Ч. УП. Т. 3. Киев, 1905.
- ¹⁰⁵Грушевський М. С. Історія України-Руси. Т. 1. Київ, 1913. С. 13-15.
- ¹⁰⁶Баранович А. И. Население предстепной Украины в XVI в. // *Исторические записки АН СССР*. 1950. Т. 32. С. 198-232.
- ¹⁰⁷Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 19, 33, 73, 83, 132, 133, 178, 179, 198, 262.

- ¹⁰⁸ Левобережная Украина в XV-XVI вв. (изложение работы А. Яблоновского “Zadnieprze” // Киевская старина. 1896. № 5. С. 92.
- ¹⁰⁹ Соболевский А. Население Украины в XVI в. // Живая старина. СПб., 1893. Вып. III. С. 398.
- ¹¹⁰ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 115-116.
- ¹¹¹ Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделом собственной его императорского величества канцелярии. Т. П. СПб., 1851. С. 900-901.
- ¹¹² ПСРЛ. Т. XIII. С. 176, 215.
- ¹¹³ Карпов Г. История борьбы Московского государства с Польско-Литовским. 1462-1508. М., 1867. С. 39.
- ¹¹⁴ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 6-Д. Д. 146. Л. 1.
- ¹¹⁵ Собрание государственных грамот и договоров (далее СГГД). Т. III. С. 227-233; Историческое описание земли войска Донского. Новочеркасск, 1903. С. 8.
- ¹¹⁶ Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С. 50.
- ¹¹⁷ Владимирский-Буданов М. Ф. Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской Унии (1569) // АЮЗР. Ч. УП. Т. 2. С. 45-46, 134, 175, 189; Лазаревский А. М. Лубенщина и князя Вишневецкие // Киевская старина. 1896. № 1. С. 127; Падалка Л. В. Прошлое Полтавской территории и ее заселение. Исследования и материалы. Полтава, 1914. С. 45-47; Василенко Н. П. Колонизация Левобережной Украины и движение украинского населения в пределы Московского государства // Василенко Н. П. Очерки по истории Западной Руси и Украины. Киев, 1916. С. 553-554; Андрияшев О. Нарис історії колонізації Сіверської землі до початку XVI віку.
- ¹¹⁸ Виноградский Ю. До історії колонізації середньої Чернігівщини // Исторично-географічний збірник. Київ, 1931. Т. 4. С. 139, 143; Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV в.). Л., 1940. С. 61-67; Рыбаков Б. А. Поляне и северяне // Советская этнография. 1947. № 6-7. С. 94; Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник (по Путивльским и Рьльским переписным материалам конца XVI и 20-х гг. XVII в.) // Советская археология. 1964. № 4. С. 166.
- ¹¹⁹ Денисевич Г. В. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 68. Воронеж, 1969. С. 186-187; Стрижак О. С. Северяни // Мовознавство. 1973. № 1. С. 66; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т. 3. С. 589.
- ¹²⁰ Исторические песни XIII-XVI вв. М.; Л., 1960. С. 279-281.
- ¹²¹ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 97-98, 103, 594 и др.
- ¹²² Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. УП. Ч. 3. СПб., 1792. С. 23, 75; Карамзин Н. М. История Российского государства. Т. УП. СПб., 1819. Примечание 301: историческое описание земли Войска Донского. С. 8.

- ¹²³ Русина О. В. Указ. соч. С. 41-42.
- ¹²⁴ Акты Западной России. Т. 2. № 181. С. 334; Летописи белорусско-литовские // ПСРЛ. Т. 35. С. 166, 234.
- ¹²⁵ Сб. РИО. Т. 35. С. 509.
- ¹²⁶ Сб. РИО. СПб., 1902. Т. 59. С. 126.
- ¹²⁷ Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. С. 57.
- ¹²⁸ Шеломанова Н. Б. Образование западной части территории России в XVI в. в связи с её отношениями с Великим княжеством Литовским и Речью Посполитой. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1970. С. 465-466.
- ¹²⁹ СГГД. Ч. 2. № 81. С. 176.
- ¹³⁰ Отдельная книга г. Путивлю 1594 г. — РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367; Росписной список г. Путивля 1626 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 4. № 38; Строельная книга Путивля 1677 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-Ж. № 362. Л. 63; Сметная книга Путивля и его пригородов 1684 г. — РГАДА. Ф. 210. Оп. 7-А. № 80.
- ¹³¹ Сб. РИО. Т. 71. СПб., 1892. С. 146; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. М. 1967. С. 73-74.
- ¹³² Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху XV железа // МИА. № 104. М.; Л., 1961. С. 217; Березовец Д. Т. Северяне (перед образованием Киевской Руси). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969. С. 19-23.
- ¹³³ Акты Московского государства (далее АМГ). Т. 1. СПб., 1890. С. 5-6.
- ¹³⁴ Каргалов В. В. На степной границе. М., 1974. С. 36, 126.
- ¹³⁵ АМГ. Т. 1. С. 5-6.
- ¹³⁶ Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее Акты исторические). Т. 1. СПб., 1841. № 228. С. 433-434.
- * Ухожьи (ухожей) — участок, сдаваемый государством в аренду на несколько лет для сбора меда диких пчел, добычи пушных зверей, рыбной ловли.
- ¹³⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Л. 68, 129-133; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 81-83.
- ¹³⁸ Акты исторические. Т. 1. № 228. С. 433.
- ¹³⁹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 67-70, 83-85, 104-106, 108, 117, 118-122, 128 об., 169 об.; Бантыш-Каменский Д. Н. Переписка между Россией и Польшею по 1700 г. Ч. 1-3. М., 1862. С. 32-33, 77-78; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 63, 73-74, 80-86.
- ¹⁴⁰ Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 18.
- ¹⁴¹ Сб. РИО. Т. 137. М., 1912. С. 259.
- ¹⁴² АЮЗР. Т. 1. С. 103.
- ¹⁴³ Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. Сообщил Ф. Д. Николайчик // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца (далее ЧИОНЛ). 1900. Кн. 14. Вып. 2. С. 104.
- ¹⁴⁴ Материалы для истории казацкого землевладения (1494-1668 гг.) // ЧИОНЛ. 1894. Кн. 8. Отд. 3. С. 11-13; АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 316.

- ¹⁴⁵ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 90; РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 563. Л. 15 об.
- ¹⁴⁶ Повести о Куликовской битве. М., 1953. С. 93.
- ¹⁴⁷ РГАДА. Ф. 79. Кн. 22. Лл. 54-54 об., 67 об. -69, 136, 144 и др.; Там же. Ф. 1209. Кн. 367, 368, 10554, 10555; Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник.
- ¹⁴⁸ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 563. Л. 11 об.
- ¹⁴⁹ Материалы по истории землевладения князей Вишневецких в Левобережной Украине. С. 86.
- ¹⁵⁰ Акты ЮЗР. Т. 3. № 113. С. 111; № 125. С. 120.
- ¹⁵¹ Акты Западной России. Т. 2. № 25. С. 27; № 31. С. 37.
- ¹⁵² Сухобоков О. В. Славяне Днепровского Левобережья: Роменская культура и её предшественники. С. 126.
- ¹⁵³ Куза А. В. Новгород-Северский — стольный град Игоря Святославича // Новгороду-Северскому — 1000 лет: Тезисы докладов обл. науч. -практ. конференции. Чернигов; Новгород-Северский, 1989. С. 21.
- ¹⁵⁴ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. Ст. 333, 334.
- ¹⁵⁵ Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 57, 734-735, 753-754; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 314. С. 123; № 385. С. 153; Вып. 2. № 437. С. 6.
- ¹⁵⁶ Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание с кратким географическим и историческим описанием Малой России, из частей коей оное наместничество составлено, сочиненное в Чернигове 1786 г. Киев, 1851. С. 154-155; Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М., 1899. С. 30-31, 50.
- ¹⁵⁷ Цит. по: Александрович М. Н. Остерский уезд. Киев, 1881. С. 9-10.
- ¹⁵⁸ Багалей Д. И. Займанщина в Левобережной Украине // Киевская старина. 1883. № 11. С. 560-561; Каргалов В. В. Внешнеполитические факторы развития феодальной Руси. М., 1967. С. 179.
- ¹⁵⁹ Довнар-Запольский М. В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах. Киев, 1901. Т. 1. С. 722.
- ¹⁶⁰ Грушевський М. Історія України-Руси. Київ; Львів, 1907. Т. 6: Життя економічне, культурне, національне XIV-XVII віків. С. 146.
- ¹⁶¹ Шеламанова Н. Б. Состав документов Посольского приказа и их значение для исторической географии России XVI века: (По материалам фонда Сношений России с Польшей ЦГАДА) // Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965. С. 49.
- ¹⁶² Там же.
- ¹⁶³ Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. 27. Ст. 53, 645, 725, 754, 768; Акты Литовской Метрики. Т. 1. Вып. 1. № 314. С. 123; № 385. С. 153; Там же. Вып. 2. № 434. С. 4; № 437. С. 6.
- ¹⁶⁴ Путевые заметки Эриха Лассоты, отправленного римским императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 г. СПб., 1873. С. 15.
- ¹⁶⁵ Акты исторические. Т. 1. С. 133.

- * В то время к г. Каневу относились значительные пространства на Левобережье по рекам Супою и вплоть до Удая и Сулы, а это уже Северские земли.
- ¹⁶⁶ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 97-98.
- ¹⁶⁷ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 140.
- ¹⁶⁸ Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник. С. 157.
- ¹⁶⁹ Беляева С. А. Указ. соч. С. 52-55, 92.
- ¹⁷⁰ Анпилогов Г. Н. Бортные знамена как исторический источник. С. 156-162; Коткова Н. С. Название русских бортных знамен — историко-лингвистический источник // Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 120-133.
- ¹⁷¹ Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956. С. 316.
- ¹⁷² Горюнов Е. А. К истории Днепровского Левобережья в середине и третьей четверти 1 тысячелетия н. э. // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1977. С. 9-10.
- ¹⁷³ ПСРЛ. Т. 1. С. 58; Памятники, изданные Киевской комиссией для разбора древних актов. Т. П. Киев, 1846, отдел второй; Антонович В. Б. Очерк истории Великого княжества Литовского до смерти Ольгерда // Монографии по истории Западной России. Т. 1. Киев, 1885. С. 62; АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 596-597.
- ¹⁷⁴ Герберштейн С. Указ. соч. С. 140-141.
- ¹⁷⁵ Опис Новгород-Сіверського намісництва (1779-1781). Київ, 1931. С. 39.
- ¹⁷⁶ РГАДА. Ф. 389. Оп. 1. Д. 6. Л. 133 об.; Русская историческая библиотека. Т. 27. Ст. 399, 725, 735, 754, 769.
- ¹⁷⁷ Сборник статей и материалов по истории Юго-Западной России. Вып. 2. С. 8.
- ¹⁷⁸ АЮЗР. Ч. УП. Т. 1. С. 596.
- ¹⁷⁹ Беляева С. А. Указ. соч. С. 56-57.
- ¹⁸⁰ Рожков Н. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. С. 101, 122, 123.
- ¹⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367; Анпилогов Г. Н. Новые документы о России конца XVI — начала XVII века. С. 300-305.
- ¹⁸² Там же. С. 114-115.
- ¹⁸³ Россия и мир: Учебная книга по истории. М., 1994. Ч. 1. С. 91-92.
- ¹⁸⁴ Загорский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 25-31.
- ¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 367. Лл. 287-296.
- ¹⁸⁶ Бромлей Ю. В., Козлов В. И. Этнические процессы как предмет исследования // Современные этнические процессы в СССР. М., 1977. С. 14.
- ¹⁸⁷ Материалы для истории г. Харькова в XVII в. Харьков, 1905. С. 9.
- ¹⁸⁸ Юркевич В. Еміграція на схід і залюднення Слобожанщини за Богдана Хмельницького. Київ, 1932. С. 8 (примечание); Слюсарский А. Г. Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII-XVIII вв. Харьков, 1964. С. 51.
- ¹⁸⁹ Багалей Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воро-

нежской губерний) в XVI-XVIII столетиях. Т. 1-2. Харьков, 1886-1890. Т. 1. № 8. С. 19-21.

¹⁹⁰ Там же. № 25, 30 и др.

¹⁹¹ Слюсарский А. Г. Указ. соч. С. 51.

¹⁹² Романовский В. А. Основные проблемы истории феодализма на Левобережной Украине в XVII-XVIII вв. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Рига, 1963. С. 187.

¹⁹³ Бодянский О. Реестра всего Войска Запорожского после Зборовского договора. М., 1875. С. XXIII; Шевченко Ф. П. Реестр війська запорізького 1649 р. — джерело історії козацтва на Україні // Історичні джерела та їх використання. Вип. 2. Київ, 1966. С. 31.

¹⁹⁴ Попова Л. А., Ревнивцева К. Г. Генеральный опис Лівобережної України 1765-1769 рр. Показчик населенних пунктів. Київ, 1959.

¹⁹⁵ Список населенных мест Черниговской губернии, имеющих не менее 10-ти жителей по данным за 1892 год. Чернигов, 1892. С. 76.

¹⁹⁶ РГАДА. Ф. 1209. Отказная книга № 15820. Лл. 408-411.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 31. Лл. 589-594.

¹⁹⁸ РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Ч. 5. Лл. 3-4 с об.; Ф. 248. Оп. 80. Д. 6597. Ч. 1. Л.

24.

¹⁹⁹ ЦГВИА. Ф. ВУА. Д. 21752 (карты).

²⁰⁰ АМГ. Т. 1. С. 68, 74.

²⁰¹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 17. № 13. Лл. 111-113.

²⁰² Там же. Оп. 8. № 66.

²⁰³ Грушевський М. С. Історія України-Русі. Т. УП. С. 473.

²⁰⁴ Багалея Д. И. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. Т. 1. С. 339-340.

²⁰⁵ Денисевич В. Г. К истории диалектных слов, употребляемых в говорах Курско-Белгородского края // Известия Воронежского гос. пед. Института. Т. 68. Воронеж, 1969. С. 184-188.

²⁰⁶ Романовський В. О. Переписні книги 1666 р. Київ, 1933. — Списки жителей Батурицкого, Бахмачевского, Конотопского и Новомлынского уездов за 1666 г. — Сс. 19, 20, 24, 28, 29, 30, 39, 45, 48, 52, 54, 56, 57, 58.

²⁰⁷ Русина О. В. Указ. соч. С. 47.

²⁰⁸ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973. С. 151.

²⁰⁹ Черепнин Л. В. Исторические условия формирования русской народности до конца XV в. // Вопросы формирования русской народности и нации. М.; Л., 1958. С. 10-11.

²¹⁰ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. С. 159.

²¹¹ Там же. С. 151.

Оглавление

Введение	3
Раздел 1. Северская земля в составе Великого княжества Литовского	7
Раздел 2. Севрюки	21
Заключение	35
Библиографические ссылки	36

Нела Михайловна Багновская
Севрюки:
население Северной земли в XIV—XVI вв.

Научное издание

Лицензия ЛР № 03859 от 30 января 2001 г.
Подписано в печать 14.01.02.
Формат 60х90/16. Усл. печ. л. 3,0.
Тираж 1000 экз. Заказ № 34

Издательство «Палеотип»
125167, Москва, Ленинградский пр., д. 54а, кв. 43
Тел./факс: (095) 151-74-01